

Чтобы Сталин не встал, и со Сталиным – прошлое

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

У нас на ТВ два госканала. Государство одно, а каналы все-таки разные. Канал «Россия» пытается – пусть не всегда умело – рассказать зрителям о мире, в котором мы живем. Если не о современности, то хотя бы о прошлом. «Первый» таких задач давно не ставит, предпочитая возвращать своего зрителя в бездумное, беззаботное детство. Даже драматические сюжеты здесь умудряются превращать в немудреный лубок.

Вот и на минувшей неделе телефильм «Грозные ворота» – о войне на Кавказе – оказался сделан по самой незамысловатой модели. В нем нет ни одной сложной и трудной мысли, нет ни малейшей попытки осмыслить происходящее. Взамен предлагается схема, простая, как гвоздь: отважные герои воюют с уродами и извергами, как их деды бились с фашистами.

В финале фильма искалеченные солдатики в госпитале все-таки отважились спросить у зашедшего в палату *енерала*: за что и зачем всё это? *Енерал* не растерялся и привел бойцам в пример калеку-лейтенанта, который ни о чем таком у него не спрашивает: *война есть война!* И за это авторы фильма наградили лейтенанта любовью и нежностью прекрасной девушки. Так-то вот.

Ну а на канале «Россия» неделя началась для меня с документального фильма «Анти-киллер Хохлов. Исповедь предателя». Интересен этот фильм как выражение раздвоенности, двоемыслия, которое овладело журналистами, и обществом. XX век в современной России воспринимается настолько поразному, что впору говорить о двух народах, волей судьбы обитающих сегодня на одной территории. Или о тягостном недоумении, которое владеет большинством, лишь временно просекаясь какой-то случайной мыслью...

История знаменитая. Один из лучших советских разведчиков Николай Хохлов был послан на Запад, чтобы убить Георгия Околовича, лидера эмигрантской антисоветской организации – Народно-трудового союза. Но вместо этого Хохлов решил Околовича спасти и обо всем ему рассказал... Замечательный сюжет о человеке, который в годы Великой Отечественной без малейших колебаний ликвидировал гауляйтера Белоруссии Кубе, а после войны, в новой ситуации, задумался о моральной цене своей службы в агентуре КГБ и сделал ответственный выбор! Затем он еще выдержал поединок с ЦРУ, жил в Америке, стал

профессором психологии, написал книгу «Право на совесть», приобщился к вере в Бога – но это уже другая история (рассказанная в фильме с большими изытиями).

Нам был представлен обаятельный, простой, умный старый человек, рассказавший о своих нравственных метаниях и драме своей судьбы, – в сопровождении двух мрачных, напыщенных «охранников», сотрудников известного ведомства, которые упорно клеймили этого «предателя». Авторы же фильма, по сути, умыли руки. Они как бы ни за, ни против. Важнейший вопрос о праве рядового жестокой эпохи на личный выбор, на нравственный поступок не был ими поставлен. Солженицынский, если хотите, вопрос: вспомните завязку только что прошедшего сериала «В круге первом»!

Если малость домыслить за тех, кто обвинял Хохлова, то вообще все противники Советского Союза окажутся врагами, предателями, изменниками родины. Родины, которая некоторыми добротами все более упорно отождествляется с режимом. Как будто нельзя уже любить родину и ненавидеть Сталина. Как будто любой приказ советских начальников нужно было выполнять без рассуждений (вспомним: «война есть война!»). Как будто человек должен забыть и о нравственном чувстве, и о ценности, веками объединявших христианское (и не только, конечно, христианское) человечество.

Замечательно, однако, что, как выяснилось, жена Хохлова в отличие от девушки первоначального лейтенанта умела еще и думать. Хохлов в фильме вспомнил ее реакцию на его признание в том, что он работает в советской разведке: «У порядочных людей есть другие занятия!» Она одобрила его решение спасти Околовича и, оставшись в Союзе, претерпела все, что можно было претерпеть. (В фильме было заметно, что Хохлов несколько не раскисается в своем выборе, но внутренне глубоко травмиро-

Фото Вячеслава ЮРКОВА.

ван тем, что случилось с его женой и маленьким сыном, которых он по стечению обстоятельств не сумел перебросить на Запад.)

Этот общественный разброд проявился и в реакции на главный юбилей минувшей недели. 50 лет одному из важнейших в истории России событий – XX съезду КПСС. Съезду, где был осужден Сталин и его палаческая, кровавая практика государственного террора. Доклад Хрущева на закрытом заседании изобилует фактами, выдержками из показаний и жертв, и палачей, большей частью тоже расстрелянных во время чистки органов НКВД в 1939 – 1940 годах, свидетельствами о пытках, попытками прежних соратников вымолить у Сталина жизнь. Только за два года (1937 – 1938) по обвинению в антисоветской деятельности было арестовано 1548366 человек, из них расстреляно 681692. Было арестовано по два-три состава руководящих работников республик, краев и областей, из 1966 делегатов XVII съезда ВКП(б) – 1103 человека, из них 848 расстреляли. Устанавливалась персональная ответственность Сталина за применение пыток на допросах, внесудебные расправы и расстрелы. К докладу были приложены три документа: телеграмма Сталина от 10 января 1939 года, подтверждавшая установленную прак-

Среди россиян немало тех, кто и сегодня готов выпить за Сталина. Выпить – и снова налить...

тику «применения физического воздействия» (то есть пыток) при допросах, справка о санкционировании Сталиным расстрелов 138 руководящих работников и предсмертное письмо наркома земледелия Эйхе Сталину.

Юбилей XX съезда на ТВ не педалировался. Руководителям ТВ и официальным идеологам он оказался не нужен. У них, очевидно, нет своего мнения, которое они готовы высказать публично. Лучше промолчать. Лишь Владимир Соловьев в своем полуэстрадном шоу решился открыто поставить вопрос об историческом значении съезда и роли Сталина. Он столкнул лбами Сергея Иваненко (второе лицо в партии, Явлинского) и Алексея Митрофанова (второе лицо в партии Жириновского). Одаренный внук знаменитого деда, брежневского министра Андрея Громыко, Митрофанов по обыкновению блистал талантами демагога. А скупный Иваненко говорил правильные вещи, но как-то вбок, не всегда по сути. Если бы не поддержка секундентов, правозащитника Борщова и младордика Яшина, он бы смотрелся вовсе бледно. (Да и Соловьев вместе со всеми судьями, по сути, на сей раз встали на сторону Иваненко.)

И все-таки кое-что важное прозвучало, оказалось, выявилось. Политический циник Митрофанов, ратовавший за признание съезда «вредным», был уличен в презрении к народу, к праву людей знать правду. К сожалению, гораздо слабее прошли еще две главные темы. А о них как раз шла речь накануне соловьевского шоу, на круглом столе в Горбачев-Фонде, где отметился и я. С участием президента СССР немало светлых голов размышляли там о парадоксах истории. И очень внятно, очень точно было отмечено: XX съезд стал вершиной, кульминацией политической биографии Никиты Хрущева, прочитавшего на нем свой ошеломительный доклад, стал его личным свободным выбором, его личным покаянием за соучастие в преступлениях режима. Политику редко удается быть постоянно безупречным. Но у великих деятелей истории всегда есть один-два три настоящих поступка, которые поворачивают колесо истории.

Съезд и доклад Хрущева повернули это колесо, и махина страны двинулась вперед. Вперед, а не назад! Из лагерей и тюрем вышли десятки и сотни тысяч невинно осужденных. И были оправданы оболганные и оклеветанные. Была публич-

но признана вина государства перед ними, перед живыми и мертвыми. Люди получили право задавать вопросы и сомневаться в стопроцентной правильности политического курса советских вождей. Это великое и беспрецедентное явление в истории нашей страны, вспоминая о котором настраиваешься, между прочим, на оптимистический лад, даже если тебя вдруг посетят иной раз тревога и отчаяние.

Вспоминали и об исторической заслуге Ольги Шатуновской, из комиссии Шверника, которая, по сути, в одиночку добилась начала процесса реабилитации невинных жертв и сильно повлияла на Хрущева.

Сказать по правде, самые первые, еще детские события моего социального самосознания тоже связаны с итогами XX съезда. Много со мной случилось потом, но сначала был антисталинизм, было категорическое неприятие мук и казней безвинных людей – идеи, запавшие в сознание неведомо как, из атмосферы эпохи, из обмолвок взрослых, из статей в пожелтевших газетах, из книги Эренбурга и где-то в чулане найденных выступлений выкинутого к тому времени из политики Хрущева. На том я стою и теперь. А вот зрители соловьевского шоу разделились почти пополам. И слабо утешает, что Иваненко собрал-таки на несколько тысяч голосов больше. Мы не можем договориться о нашем прошлом – у нас поэтому нет и общего проекта будущего.

Вспоминается Ахматова. Когда из лагерей начали возвращаться невинные люди, она сказала: *России предстоит встреча тех, кто сидел, с теми, кто сажал*. Дела далекие, но иногда думаешь, что в современной-то России гораздо больше сейчас потомков вторых. Просто потому, что даже освобожденные лагерники часто не успевают обзавестись детьми. Впрочем, дети за отцов не отвечают, как лицемерно говорил Сталин (и отправлял жен и детей осужденных) – ЧСИР – в лагерь и приюты). Был такой высокопоставленный чекист, Панюшкин. В Москве как раз он и организовывал покушение на Околовича, сорванное Хохловым. Так вот, один из самых яростных нынешних журналистов-идеалистов, подвизающийся в оппозиционных «Коммерсанте» и «Газете.Ру», – его прямой, по достоверным данным, потомок.

Евгений ЕРМОЛИН, профессор ЯГПУ.